

ны в торговле и даже сельской промышленности», занимались «исключительно хлебопашеством и огородничеством». «Местные власти, – подчеркивалось в описании, – не помнят примера, чтобы кто-нибудь из евреев-караимов и татар содержался в тюрьме за преступления». Далее Норденстрен заключал, что караимы и татары никогда не смешиваются между собою и с другими племенами и находятся на весьма низкой степени образования [2, с. 23]. По оценке российского тюрколога и гебраиста, профессора Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьева, в Литве караимы занимались преимущественно огородничеством и отчасти торговлею и подрядами [4, с. 46]. Проживавшие в Ковенской губернии караимы, по мнению составителей обзора, выгодно отличались от евреев-рабанитов: «...они опрятнее, честнее и менее суеверны, даже с виду мало похожи на жидов» [3, с. 47]. Впрочем, подобные проявления антисемитизма и ксенофобии не были редкостью в официальной прессе и законодательстве того времени [6, с. 158–177].

После присоединения Крыма к России в 1783 г. активная интеграция караимов в российское образовательное и культурное пространство обозначила необходимость создания учреждений конфессионального самоуправления. С вхождением в состав Российской империи территорий, присоединенных после разделов Речи Посполитой, часть караимского населения, ранее проживавшего на литовских и польских землях, в 1793–1795 г. стала российскими подданными. Вскоре деятельность по созданию учреждений конфессионального самоуправления была инициирована и литовскими караимами. Таким образом, и в Крыму, и в западных губерниях России «христианская государственность» и «караимское население» входили в непосредственный контакт, осуществляли разносторонние контакты, укрепляя российское присутствие в регионах.

1. Ахиезер, Г. Караимы Польско-Литовского государства до конца XVII в. История еврейского народа в России : от древности до раннего Нового времени / Г. Ахиезер ; под ред. А. Кулика. – Т. 1 : От Древности до раннего Нового времени. – Иерусалим : Ге-шарим ; М. : Мосты культуры, 2010. – С. 292–320.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. – Т. IX, Ч. 2 : Виленская губерния. – СПб. : тип. Генерального штаба, 1848. – 43, [23] с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. – Т. IX, Ч. 1 : Ковенская губерния. – СПб. : тип. Генерального штаба, 1848. – 48, [18] с.
4. Григорьев, В. В. Еврейские религиозные секты в России / В. В. Григорьев // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб., 1846. – Ч. XV. – С. 11–49.
5. [Перлштейн, А.] Древние привилегии литовско-волинских караимов, извлеченные из актов замка Луцкого, сообщ. Перлштейном / [А. Перлштейн] // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. – М. : Университетская тип., 1853. – Кн. 16. – С. 37–53.
6. Прохоров, Д. А. Отражение этнических стереотипов в официальных печатных изданиях и периодической прессе Таврической губернии конца XVIII – начала XIX вв. (славяно-еврейско-караимский контекст) / Д. А. Прохоров // Контакты и конфликты в славянской и еврейской культурной традиции Сборник статей. Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Институт славяноведения Российской академии наук. – М. : Пробел-2000, 2017. – С. 158–177.
7. Фиркович, А. Сефер Авнэ-Зиккарон. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем / А. Фиркович. – Вильна : [Фин и Розенкранц], 1872. – 199, 3 с. (на иврите).
8. Чацкий, Т. Исследования о евреях караитах / Т. Чацкий // Северный архив. – 1827. – № 6. – С. 97–111.
9. Kizilov, M. The Arrival of the Karaites (Karaims) to Poland and Lithuania: A Survey of Sources and Critical Analysis of Existing Theories / M. Kizilov // Archiwum Eurasiae Medii Aevi, 12 (2002–2003). – P. 29–45.

Вовина-Лебедева В.Г. К ВОПРОСУ О ДУХОВНЫХ РОСПИСЯХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. КАК ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

Духовные или исповедальные росписи (ведомости) давно используются в исторических исследованиях, более всего в трудах по генеалогии и при написании истории волостей, городов и т. п. Но есть и другие сферы, при исследовании которых данные духовных росписей могут быть неоценимыми источниками.

Рассмотрим два случая, относящиеся ко времени Николая I. Одна из росписей датирована 1830 г., другая – 1830-ми – началом 1840-х годов (под одним переплетом собраны несколько разновременных текстов). Первая духовная роспись (далее – ДР) составлена священником Кургоминского прихода Стефаном Кочериным, подписавшим ее вместе с дьячком Малахией Пустынным и пономарем Василием Павловым [6]. Как обычно в ней содержатся сведения о появлении прихожан «во Святую Великую четырехдесятницу и прочие посты у исповеди и Святых таин причастия». Кургоминская волость Шенкурского уезда Архангельской губернии – одна из отдаленных волостей Русского Севера, в прошлом дворцовая (а в упомянутое время удельная) [2; 4; 5]. В этих местах было широко распространено староверие (стало изживаться только в кон. XIX в.). Не даром, многие известные собрания старообрядческих рукописей были обнаружены в результате археографических экспедиций именно в этих местах (в Кургомени, соседней Топсе, на Борке и т. д.) [1]. В Древлехра-

нилище Пушкинского дома хранятся рукописи старообрядческого содержания, происходящие оттуда или же адресованные жителям Кургомени и близлежащих мест [7].

Другой случай ДР относится к совершенно иному месту, и с Кургоминским приходом его роднит только удельный статус, который важно учитывать при их сопоставлении. Речь о пригородном столичном селе Усть-Ижора под Петербургом. О нем подробнее см. в нашей недавней статье [3]. Священник Яков Матвеевич Лабецкий (из старой священнической семьи Лабецких, родом из Гдовского у.) служил в усть-ижорской ц. св. Александра Невского (расположенной на месте битвы со шведами 1240 г. при впадении р. Ижоры в Неву) и был одним из самых приметных священнослужителей этой местности в XIX в. ДР по этому приходу сохранились только от времени его служения [9]. В 1842 г. из общего числа жителей села 1109 чел. у исповеди из числа взрослого населения обоего пола прихода не было лишь 127 чел. В ДР требовалось указать, по какой причине не было у исповеди то или иное лицо. О детях до семи лет писалось, что они не было «за малолетством», а о взрослых – «за нерачением» (как вариант – «за нерадением»). Если причины было священнику неведомы, ставилась просто помета «не был». У священника Лабецкого «за нерачением» не были у исповеди лишь 40 чел. (любопытно отметить, поскольку в ДР проставлялся возраст упоминаемых лиц, что это был молодежь и подростки). Предполагаем, что помета «за нерачением» означала отсутствие лица у исповеди, но при этом нахождением его по месту жительства, тогда как помета «не был» (в Усть-Ижоре в 1842 г. это 85 чел.) означает, что данное лицо (а их было больше, чем отсутствовавших «по нерачению»), видимо, в принципе отсутствовало на тот момент в селе. Поскольку речь идет о месте вблизи столицы, это отсутствие может быть объяснено уходом на работы и проживанием из-за этого не вместе с семьей, возможно, временном.

Кроме постоянного населения села, в ДР указывались все остальные люди, которые причащались в том или ином году. Так, в Усть-Ижоре в 1848 г. причастилось довольно много «разночинцев» с указанием мест, откуда они прибыли и указанием их социального статуса [9, л. 31–40]. В основном это крестьяне разных губерний, в том числе крепостные, иногда из довольно отдаленных мест, в том числе Витебской губ.: Невельского и других уездов. Эти данные рисуют картину большого наплыва пришлых крестьян предположительно для работы на Ижорских заводах, расположенных недалеко от с. Усть-Ижоры. Кроме того, указанная ДР содержит сведения не только о с. Усть-Ижора, но и о других окрестных населенных местах, откуда приходили на исповедь. Иногда эти люди записаны отдельными группами, по месту, откуда пришли. Так, встречается упоминание крестьян «корчминских», «дубенских», «софоновских», жителей Шлиссельбурга и т. п. Отдельно записывались крестьяне местных помещиков, например, крепостные гр. Д. Н. Шереметева, дворовые люди ген.-майора Н. В. Зиновьева, купцы и мещане [9, л. 23–30 об.]. Таким образом, мы получаем сведения и о дачном окружении храма, возможно, сезонном, которое также съезжалось для исповеди и причастия в Усть-Ижору как ближайшее крупное село с церковью. А 21 февраля 1833 г. в Усть-Ижоре причащалась целая рота лейб-гвардии Павловского полка во главе с полковником Дмитрием Мельгуновым и капитаном Василием Небольсиным. Это не должно вызывать удивление, поскольку по берегу Невы выше с. Усть-Ижоры располагались военные лагеря, свидетельством чему остаются до сих пор названия некоторых поселков: Понтонный, Саперный. Пасха в тот год праздновалась 14 апреля, значит событие, о котором идет речь, имело место за неделю с лишним до начала Великого поста. Можно представить себе этот праздник, с участием большого числа военных, свидетелем которого были местные крестьяне. В целом, при исследовании ДР села Усть-Ижора возникает образ храма, который в 1830-х – 1840-х годах был религиозным и культурным центром большой пригородной территории, а анализ сохранившихся церковных описей за 1880-е годы, но содержащих сведения о вкладах в храм более раннего времени, дает нам представление и о том, что храм был почитаем и содержался в основном за счет прихожан [3, с. 123–128].

Если вернуться к первой из рассматриваемых ДР, а именно Кургоминской, мы увидим совершенно иную картину. Состав населения там был стабилен [5], но в глаза бросается катастрофически малое число крестьян, бывших у исповеди. Всего из 783-х крестьян волости (271 мужского и 412 женского пола, включая малолетних детей) исповедались и причастились в 1830 г. лишь двое (!) мужчин и одна (!) женщина, только исповедались (но не причастились) – 17 мужчин и 8 женщин [6, л. 352].

В литературе уже поднимался вопрос о невозможности точного подсчета числа староверов в местах их обитания, поскольку чаще всего там имело в рассматриваемое время место пассивное сопротивление официальной церковной культуре, выражавшееся в частности, в слабой активности приходов, а также в одновременной участии одних и тех же людей и в жизни прихода (формальном), и в старообрядческой общине [8]. Судя по данным ДР, в Кургомени подавляющее большинство крестьян в николаевское царствование были или открытыми или скрытыми (пассивными) староверами. Из населения прихода старше семи лет у исповеди и причастия не были 185 мужчин и 158 женщин. Из них по причине принадлежности к «расколу» отсутствовали 101 мужчина и 160 женщин.

По ДР трудно четко отделить людей, просто пассивных в отношении церковного прихода от их соседей и родственников-староверов. В ДР по Кургомени встречаются несколько видов пометок напротив лиц, не явившихся к исповеди и причастию: «ведомый раскольник», «по нерачению», «по малолетству», «за отлучкой» (один случай). Однако, во многих случаях в семьях глава семья или его жена, или и он и жена записаны «ведомыми раскольниками», а их дети не приходили будто-бы «по нерачению». Между тем, скорее всего речь идет о том, что старшее поколение было при каких-то обстоятельствах уже уличено в уклонении в «раскол», а о младшем таких данных пока не было. Возможно, это младшее поколение даже ходило иногда в церковь, формально посещало службы. Но трудно представить себе традиционную семью, где между ее членами могло существовать столь большое разномыслие по вопросам веры. То же самое можно сказать и о малолетних детях, выросших в староверческом окружении.

В том единственном случае, когда крестьянка была у исповеди и причастиа, это была сноха хозяйина (жена сына), возможно, взятая из другой волости. Остальные члены ее семьи не были в церкви «за нерачением». Между прочим, они жили в Погостской деревне (то есть находившейся на погосте), и все остальные жители ее также к исповеди не ходили «за нерачением», а некоторые и «за расколом». Правда, следует учитывать, что издавна в Кургомени на погосте лишь одна половина считалась церковной [4].

По материалам ДР в Кургомени оказалось много незамужних старых девушек возрастом за 30 или за 40 лет. Обычно они жили в семье брата, как «девка Елена» 47-ми лет, не явившаяся на исповедь «за расколом», но могли жить и отдельно, как «девка Марья Васильева Буркова» 52-х лет, жившая «сестрою ее девкой же Домной» 49-ти лет. Обе не были у исповеди и причастиа «за расколом». И та же причина указана почти у всех старых девок, не ходивших в церковь. Возможно, сохранение девственности как-то было связано с особенностями веры наиболее стойких в своих убеждениях кургоминских старообрядков, но этот вопрос еще нуждается в исследовании, поскольку имеются источники, правда, более позднего времени.

Необходимо оценить правку первоначального текста, внесенную в ДР. Во многих случаях в графе о причинах неявки к исповеди была сделана запись «за нерачением», а поверх написано «за расколом». Первое предположение состоит в том, что первоначальная запись ставилась священником автоматически, когда он точно не знал, уличено ли в расколе не явившееся лицо. После следствия, которое, вероятно, проводил он сам вместе с другими членами причта, если выяснялось, что неявка была вызвана староверием, помета в соответствующей графе менялась. Принимая такое объяснение, мы должны признать, что Стефан Кочерин не очень хорошо знал свою паству, что не удивительно, если учесть редкость посещения ею приходского храма.

Другое предположение может состоять в следующем: поскольку ДР составлялись в двух экземплярах, то перед отсылкой в Архангельскую духовную консисторию одного из них текст просматривался. Тогда в него и могла вноситься правка, если к этому времени выяснялось уклонение «в раскол» тех или иных лиц, первоначально не обозначенных в ДР «раскольниками».

Сравнительный анализ ДР показывает сильные различия в отношении к приходским храмам, местным священникам, исповеди и причастию. В данном случае они диктовались географическим расположением приходов, нахождением вблизи одного из них столичного города и казенных заводов, а в другом – проживанием большого числа старообрядцев.

1. Бобров, А. Г. Экспедиции на Северную Двину 1989 г. / А. Г. Бобров // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 1993. – Т. 46. – С. 476–491.
2. Вовина-Лебедева, В. Г. Деревня Тимофеевская Кургомёнской волости Важского уезда в XVII – начале XVIII в. / В. Г. Вовина-Лебедева // Российское государство в XVI – начале XVIII века. : сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова / сост. А. И. Раздорский, под ред. Д. В. Лисейцева, П. В. Седова (Труды СПбИИ РАН. Вып. 7 (23)). – СПб. : Старая Басманная, 2022. – С. 413–421.
3. Вовина-Лебедева, В. Г. Крестьяне села Усть-Ижора и их храм / В. Г. Вовина-Лебедева // Петербургский исторический журнал. – 2022. – № 2. – С. 118–134.
4. Вовина-Лебедева, В. Г. Петр I и судьбы Русского Севера (по материалам переписных книг Важского уезда первой четв. XVIII в. / В. Г. Вовина-Лебедева // Петр Великий. Исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 175–183.
5. Вовина-Лебедева, В. Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII / В. Г. Вовина-Лебедева // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 96–107.
6. Государственный архив Архангельской области (ГААО) – Ф. 29. Оп. 29. Д. 260. Л. 333–353.
7. Древнелехранилище Пушкинского дома (Института русской литературы РАН (ИРЛИ РАН)). – Р. IV. Оп. 39. Коллекция В.М. Амосова–А. Ф. Богдановой. № 126, 180.
8. Пулькин, М. В. Господствующая церковь и старообрядчество в XVIII – начале XX в. Проблемы разграничения. По материалам Олонецкой епархии / М. В. Пулькин // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2016. – № 3. – С. 46–58.
9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) – Ф. 1000. Оп.1. Д. 1.